

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

ИСПАНИЯ В СЕРДЦЕ ПОЭТА

Из писем
Федерико Гарсиа
Лорки

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эпистолярное наследие Лорки (то, что уцелело) завершается краткой запиской мадридскому другу: «Заходил повидаться и завтра, наверное, вернусь. Обнимаю». Но планы изменились, и когда адресат, писатель Хосе Бергамин, читал эти строки — последний автограф поэта, Лорка был на пути в Гранаду. Ни вернуться, ни обнять друзей ему уже не было суждено.

В Гранаде определился почерк «нового порядка»: расстрелы, пытки, облавы и казни заложников — все, что европейским народам еще только предстояло испытать. Три года длились в Гранаде массовые расстрелы, расправа завоевателей с безоружным краем.

В одной из многих могил, доныне безвестной, лежит гранадский поэт и еще трое убитых — два тореро и хромой школьный учитель. Побратавшиеся в смерти, прежде они не встречались, но кажется, что поэт уже знал их. «Он знал всю Испанию», — писал друг Лорки Домасо Алонсо, — многое знал сам, еще больше провидел. Незримыми нитями нервов его искусство связано с родной землей.

Смерть Лорки словно высветила из безликой тьмы террора сотни лиц, имен, судеб. Растущее внимание, почти всемирное, к его поэзии и личности вызволило из безвестных могил больше двух тысяч имен казненных гранадцев. И поименно названы все палачи — и те, кто доносил, и те, кто приказывал, и те, кто исполнял.

Странно звучат через полвека слова «новые стихи Лорки», а таких стихов лишь за последние 4—5 лет опубликовано больше двухсот (не считая четырех неоконченных пьес, статей, писем). Он возвращается к нам, такой же, каким видел его Пабло Неруда, — «задумчивый, радостный и любимый народом, как гитара, простодушный и отзывчивый, как ребенок, как его народ».

Интерес к творчеству поэта в Испании и за ее пределами постоянно растет. Этот год на его родине в Гранаде объявлен годом памяти Федерико Гарсиа Лорки.

Мы публикуем отрывки из писем поэта и его рисунки: «Моряк», «Маска, которая спадает».

Как красивы, наверно, теперь облака над Вальпараисо и наша река Дарро в глубях каменистого ущелья, в желтых отсветах осенней листвы! И как печален! Я вспоминаю Гранаду, как вспоминают умершую невесту, как вспоминают солнечный луч — оттуда, из детства. Уже, должно быть, опали листья? Здесь, в Мадриде, одни древесные скелеты на ветру — лишь кое-где отчаянно, как золотая бабочка, бьется листок.

(Эмилиа Льянос Медина, 28 ноября 1920 г.)

Целый день я пристально вглядывался в свое прошлое (расположившись в дедовом кресле) и понял, что ни одна из мертвых минут не была моей. Не я прожил их — тот миг любви, миг ненависти, миг вдохновения. Я вдруг увидел сотни Федерико: распластаные шкурки — уже на вечные времена — выпилились на чердаке времени. А в лавке будущего я увидел еще сотни тысяч Федерико — плоских, сложенных горкой, — надуют их, как мячи, и полетят они куда глаза глядят. И мне стало страшно — это мама, Донья Смерть, дала мне ключ от времени, и я в одну минуту все понял. Я живу взаимы. Все, что есть во мне, — не мое. И не знаю, сумею ли родиться. Душа моя наглухо замурована. Не зря по временам мне кажется, что у меня не сердце, а жестянка.

(Рехино Сайнсу де ла Маса, весна 1921 г.)

Гранада временами как-то блекнет, и в улицах, уходящих в поля, слышится тогда рокот покинутой гавани — приюта бескрайнего отчаянья.

Осень заливаает долину, погружая в подводную жизнь. Шлюзы Альгамбры — тебе никогда не хотелось медленно проплыть по ним? И ты не видел лодок, убаюканных дремой, у подножия башен? Сгустились жемчужные сумерки, и я понял, что живу в сказочной Атлантиде.

Я уехал бы, но останусь, пока листья не пожелтеют.

Осенью дорога в страну Никуда, затерянная в гулких туманах, вьется по берегам Хениля и Дарро. Других дорог нет.

Я не печален и не весел — я погружен в осень... (Мельчору Фернандесу Альмагро, октябрь 1921 г.)

...У моря я забываю, кто я, забываю, что у меня есть душа, что я мужчина, что я могу плакать... Забываю все! И только одна страсть пронзает тогда сердце — во всем уподобиться морю, слиться с его мерцанием, горечью, извечной тревогой.

Тогда я не знаю зависти, это странно, и мне не нужно ничего, что нужно человеку, а нужно Иное... Если я продолжу в том же духе, ты заскучаешь, а это ни к чему... Есть чувства, которые надо таить... за этим и пишешь! Это правда.

(Мельчору Фернандесу Альмагро, июль 1923 г.)

Вчера мы с братом устроили для Фальи серенаду. Изумительную! Я инструментывал «Песенку блуждающего огонька» для тромбона, кларнета, тубы и корнет-а-пистона. Вышла такая восхитительная чертовщина, что слов нет! Я уговорил четверых музыкантов из городского оркестра сыграть это, они согласились, и мы устроили замечательный сюрприз Маноло и Марии дель Кармен.

Они так хохотали, что были не в силах спуститься открыть нам... Но это что, перехожу к сути. Фалья сказал, что это гениальная инструментовка, что она даже великому дону Игорию и во сне не снилась, и, восторженно вопия, затащил бедолагу к себе в дом и заставил четырежды повторить эту презабавнейшую какофонию, причем самодично аккомпанировал им на рояле! Это было упоительно, что и говорить. Ну, а сегодня... он собственной персоной пришел ко мне домой и объявил, что моя идея насчет кукольного театра заслуживает воплощения, и велел мне уговорить тебя побыстрее закон-

чить музыку для Кристобиталья (это будет первая пьеска в нашем кукольном цикле). Сам Фалья обзавелся сочинить музыку для остальных — такую, как в моей серенаде! — и уверяет, что дон Игорь и Равель разом бы загорелись и сделали бы такое! Если же все это осуществится, мы с нашим кукольным театром сможем — так считает Мануэлито — объездить всю Европу и Америку. А назовем театр так: «Куклы с дубинками, родом из Гранады». Вот видишь, Адольф, чем обернулся наш кошачий концерт.

Фалья пришел в такой восторг, что ночь не спал — примерялся к инструментовке. И я призываю тебя немедленно дописать нашего Кристобиталья — ведь им мы открываем наш театр «Испанские куклы», И сам я в невероятном восторге. Если мы сделаем с тобой, Адольфито, эту пьеску, исполнится моя детская мечта.

(Адольфо Саласару, 1 января 1922 г.)

Я много работаю.

Впервые в жизни пишу любовную лирику. Новые горизонты открылись мне, и что-то во мне переменялось. Сам себя не узнаю, Мельчорито! А мама говорит: «Да ты еще, оказывается, растешь, Федерико!» И я только-только начинаю понимать, а ведь давно пора... Что же это такое? Замедленное развитие? Мне все кажется, что юность только начинается. Я и в семьдесят не буду стариком. Никогда не буду стариком. Прощай! Как хочется поговорить с тобой... и посоветоваться.

(Мельчору Фернандесу Альмагро, сентябрь 1925 г.)

Гранада изумительна. Осень еще в самом начале — и столько в ней изящества, и какой свет с гор! Уже выпал первый снег. Гаммы охристых бликов играют с переливами синих теней. Роскошь эта заполняет все, подчиняет себе и поражает. Я думаю, Гранада совсем не живописна. Даже для импрессиониста. Так же не живописна, как не пластична река. Все движется, играет, ускользает. Поэтична — да, музыкальна — да! Нет четкого контура — серая гамма, город в серых тонах. И стержень его — печаль.

Все-таки это мой город.

(Мельчору Фернандесу Альмагро, 20—28 октября 1926 г.)

Правда — она живая, а нам хотят подsunуть мертвечину и опилки. В ерунде, если она живая, есть правда, а мертвая теорема — лжива. Окна настаеж — пусть гуляет ветер! Тебя порадовало бы море, где рыбы плавают на привязи, не подозревая, что прицеплены к одному гвоздю? Я не собираюсь опровергать догму. Но видеть этот программный гвоздь не хочу.

(Себастьяну Гашу, осень 1928 г.)

Из письма Хосе Марии Чакон и Кальво

Этот моряк курит трубку, печалится и вспоминает. Забудься он на мгновение, и глаза его потонут. Как тихо сомкнется тогда море — уже без парусов, без воспоминаний, всколыхнув темные розы и мертвых рыб. Настоящее море.

А день золотой — будь он благословен! Все мы — как тот моряк. Из гавани доносятся рокот аккордеона и смутные шорохи воды, моющей пирс, с гор тянется запах молчаливой пастушьей трапезы, а мы ничего не слышим — только свою даль. Бездонную даль, где ни гавани, ни гор...

Вот что хотел я тебе сказать, Хосе Мария, — ведь наши моряки поймут друг друга.

Где ты теперь, милый Хосе Мария?

Сегодня конец моему одиночеству — взмахнув белым платком на все четыре стороны, я шлю тебе привет: на Юг, на Север, на Запад, на Восток.

(без даты)

Перевела с испанского
Н. МАЛИНОВСКАЯ

Э. Л. Медина — подруга Лорки.
Р. Сайнс де ла Маса — гитарист и композитор.
М. Фернандес Альмагро — историк и филолог.
М. де Фалья — композитор.
М. дель Кармен — сестра М. де Фальи.
Игорь — И. Ф. Стравинский, композитор.
А. Саласар — композитор и музыковед.
С. Гаш — художник, журналист, критик.
Х. М. Чакон и Кальво — кубинский писатель и фольклорист.

